

25 МАЯ 1969

ЖИЗНЬ Девятова-драматурга была короткой. У него было много замыслов, о многом он хотел еще сказать в своих пьесах. Но главной темой, до конца еще не высказанной, была тема сельской жизни, постепенного изменения психологии крестьянства, воспитание коллективизма.

В пьесе «В Лебяжьем», сделавшей имя Девятова известным далеко за пределами Тамбова, он лирически мягко и с искренним чувством веры в силы колхозника создал неприкрашенную картину послевоенной деревни. Пьеса, как хорошо это чувствовалось уже в самом названии, была поэтической, душевной, песенной, особенно в ее речевой окраске.

Это был удачный случай творческого утверждения «местного» драматурга. Пьесу «В Лебяжьем» поставил тогдашний главный режиссер Тамбовского театра В. А. Галицкий, много сделавший для того, чтобы спектакль звучал мажорно, на высокой гражданской ноте. Исполнители ролей сумели передать, подлинно живую атмосферу деревни. Спектакль полюбился зрителям. Он был показан в Москве и получил высокую оценку — ему была присуждена Государственная премия. Пьесой заинтересовался и московский театр, который в свое время любил ставить пьесы о деревне — театр имени Станиславского, руководимый замечательным мастером старой ихатовской плеяды М. М. Яншиным. Он заметил молодого драматурга и в короткий срок осуществил постановку его пьесы «В Лебяжьем». Спектакль был долгое время в репертуаре этого театра.

Обстоятельства заставили Девятова переехать в Москву, но это ничего не изменило в его неразрывных связях с Тамбовом, с родными ему селами. Он подолгу жил в деревне, постоянно искал новое в жизни, в людях, следил за процессами, происходящими в сельском хозяйстве. Бывал не только на Тамбовщине. Выезжал и в Рязань, и в Калугу, и в Краснодар. Одним из первых отправился в далекую страну — революционную Кубу, чтобы своими глазами увидеть кубинцев в их селениях, найти возникшие связи между советскими и кубинскими земледельцами и написать пьесу об интернациональной дружбе. Эту пьесу он написал, дав ей символическое название «Куба — Кубань».

Когда открылись двухгодичные Высшие литера-

турные курсы при Литературном институте имени Горького, Девятов пошел учиться на эти курсы. Он хотел быть высокообразованным человеком, не считаясь тем, что уже имел высшее образование. Прилежно он занимался в творческом семинаре, был одним из дисциплинированнейших слушателей курсов.

С Девятовым меня связывала тесная творческая дружба. Так случилось, что после пьесы «В Лебяжьем», о которой я выступал не однажды в печати, Девятов поверил мне, почувствовал, что в своей критике я

мер молодым драматургам умение трудиться, которым обладал Девятов, говорил о сочности деревенской речи героев его пьес. В своих выступлениях и докладах о Девятове говорил и Н. Погодин, называл его в числе новой молодой смены драматургов.

У Девятова была хорошая склонность к педагогической работе, он умел помогать молодежи. Ему доверяли консультацию молодых драматургов и в Союзе писателей СССР, и в коллегии Министерства культуры. Он с исключительной добросо-

ского к ней отношения. В «Крокодиле» он находил крупный жизненных наблюдений, интересные ситуации, которые подтверждали его сюжетные находки, живые истории, проходившие у него перед глазами.

По вечерам, выходя после многих часов работы из Дома творчества имени Сергеевича (это был апрель 1968 года), мы отправлялись гулять по аллеям парка, приходили к еще не снявшему ледяной покрову пруду. Темнели уже водяные лунки, с берегов в пруд бежали ручьи, таял снег, обнажалась земля, и пруд по берегу был опоясан черной оголенной каймой. Девятов испытывал влюбленность во вновь просыпающуюся природу, восхищенно говорил о бесконечности жизни.

В словах его чувствовалась какая-то грусть, но он не подавал виду, что был серьезно болен. Ежедневно работал над новой пьесой, которую писал по договору с Министерством культуры РСФСР. Он назвал ее «Цыганка». Ежедневно встречаясь с ним, я и сам втянулся в историю создания этой пьесы. Он читал мне отдельные сцены и акты, внимательно слушал все, что ему говорилось по поводу прочитанного, думал, ухаживал в свою комнату и снова работал.

Это была лирическая комедия, в центре которой находилась юная девушка-цыганка, впервые попавшая из далеких степей в Москву. Писал Девятов не по выдуманному материалу, а по живым наблюдениям из жизни последних цыганских таборов, за тем, как преодолевалась у цыганской молодежи психология бродяжничества и как приходили к труду и науке талантливые молодые цыгане. Пьеса написана нежными красками, в ней нет кровавых схваток и тайных встреч, ведется мягкий лирический рассказ о том, как зарождалось искреннее чувство любви у молодой цыганки и хорошего парня и как мешали их любви, их мечтам рассудительные люди, окружавшие их. Так в лирической комедии возникают обстоятельства драматические, но торжествовала все же комедия, побеждала молодость.

Вскоре Девятов радостно сообщил, что с пьесой все в порядке. Он мечтал, что пьеса будет поставлена на родине, в Тамбовском театре имени Луначарского, там, где начал он свой творческий путь. Задумана была и поездка в Тамбов. Но всему этому не дано было свершиться. Здоровье Девятова не улучшалось. Его положили в больницу, опять наступило обострение болезни, название которой никто не мог точно определить. В июле 1968 года Дмитрий Девятов умер.

Жил среди нас скромный писатель, со своим видением мира, честный коммунист, крестьянский сын, ревностный пропагандист деревенской жизни, не изменивший ей до конца... Он имел неразрывную связь с жизнью во имя выполнения своего гражданского долга литератора.

Вл. ПИМЕНОВ

ДРАМАТУРГ ИЗ ТАМБОВА

желал ему добра. И все затем написанные пьесы он приносил ко мне. Мы сурово и требовательно их обсуждали. Повилась его драма «Родник в степи», пьеса остро конфликтная, с драматическими судьбами героев, все тех же, как и раньше, деревенских жителей. Новый этап переживала деревня, становилась механизированной, это приносило и новые отношения, формировало и новую психологию. Девятов чутко прислушивался к этим изменениям и старался показать это в своей новой пьесе.

Д. Девятов трудился вдохновенно, искренне. Он неоднократно возвращался к написанному, не удовлетворялся тем, что было сделано, и беспощадно правил текст. Часто советовался, спрашивал, будет ли лучше, если он уточнит, например, время действия. Даже замена одного слова была для него важной. Это мне пришлось наблюдать во время составления сборника пьес, который по поручению издательства «Советский писатель» я редактировал. Вышел в свет сборник пьес, в который вошли, помимо уже названных, «Федор Корень» и «Измена».

Нельзя сказать, что Девятов был уж очень плодовитым писателем. Пьесы его выходили редко, но он работал по-настоящему профессионально, не спешил. Его любили драматурги старшего поколения, видели в его творчестве продолжение линии реалистической литературы, творческой линии писателей, взявших на себя нелегкую роль пропагандистов деревенской темы. Я не раз слышал, как Б. С. Ромашов ставил в при-

вестностью разбирал пьесы, осторожно подходил к оценке творчества молодых. Советы давал только как рекомендации, а отнюдь не как обязательное предложение. Последние годы он работал рецензентом по приему молодежи в Литературный институт. Заявленный и творческих работ поступало очень много. Девятов в течение нескольких месяцев погружался в чтение рукописей молодых рабочих, колхозников, журналистов, школьников, жаждущих попасть в этот вуз. Его заключения безошибочно решали судьбы молодых литераторов. Он угадывал в первых набросках, многолистных пухлых трагедиях и драмах одаренных, драматургически мыслящих начинающих литераторов и боролся за то, чтобы они попали в институт. И потом, когда его работа была уже закончена, он интересовался своими «крестниками», их учебой и новыми их творческими опытами.

В последние годы мне пришлось провести с Д. Девятовым вместе много времени. Мне не было скучно с ним. Он был человеком самобытным, наблюдательным, внимательно следившим за всем, что происходило в жизни, особенно в деревне. Он любил классическую драматургию, особенно Л. Н. Толстого, учился на его пьесах «Власть тьмы», «Живой труп».

Из тонких журналов его любимым был «Крокодил». Он читал каждый выходящий номер. Если случайно какой-либо номер не попадал к нему, обязательно его находил. Читал внимательно, не как развлечение, как собрание шуток и анекдотов, а как серьезное отражение жизни с позиций критиче-